

Научная статья

УДК 37.013.2

ББК 87.52

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10106

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСКУРСАХ¹

Регина Владимировна Пеннер

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, pennerrv@susu.ru, ORCID ID: 0000-0002-3277-7274

Аннотация. Современные социальные практики становятся всё более цифровыми: в пространство цифрового «уходят» учёба, работа, общение с семьёй и друзьями. Отдельные события могут ускорять (пандемия Covid-2019) или замедлять (специальная военная операция) эти процессы. Тем не менее с 1990-х гг., то есть с распространением персональных устройств с возможностью выхода в интернет, наблюдается тенденция цифровизации социальных практик. Субъект этих практик всё чаще взаимодействует с техникой, нежели с подобными себе субъектами. Потому актуальным представляется вспомнить дефиницию человека, предложенную Аристотелем. Согласно древнегреческому философу, человек есть существо политическое, то есть свою человеческую природу субъект социальных практик может реализовать только в государстве, в среде себе подобных. В статье предлагается историческая ретроспектива концепции интерсубъективности, ставится вопрос о её применимости в современных условиях.

Ключевые слова: субъект, социальная идентичность, интерсубъективность, социально-гуманитарные дискурсы, я, другой, интернет, цифровая эпоха

Для цитирования: Пеннер Р. В. Интерсубъективность в социально-гуманитарных дискурсах // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 48–52. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10106

Original article

INTERSUBJECTIVITY IN SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCOURSES

Regina V. Penner

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, pennerrv@susu.ru, ORCID ID: 0000-0002-3277-7274

Abstract. Contemporary social practices are becoming more and more digital: studies, work, communication with family and friends “leave” in the digital space. Some events can accelerate (Covid-2019 pandemic) or slow down (special military operation in Ukraine) these processes. However, since the 1990s, i. e. with the spread of personal devices with the ability to access the Internet, there is a trend towards the digitalization of social practices. The subject of these practices increasingly interacts with technology rather than with similar subjects. Therefore, it seems relevant to recall the definition of a person proposed by Aristotle. According to the ancient Greek philosopher, man is a political being, i. e. the subject of social practices can realize his human nature only in the state, among his own kind. The article offers a historical retrospective of the concept of intersubjectivity, raises the question of its applicability in modern conditions.

Keywords: Subject, Social Identity, Intersubjectivity, Social and Humanitarian Discourses, I, Other, Internet, Digital Age

For citation: Penner RV. Intersubjectivity in social and humanitarian discourses. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):48-52. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10106

¹Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных — кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

© Пеннер Р. В., 2023

Постановка проблемы

Более двух тысячелетий прошло с тех пор, как Аристотель дефиницировал человека в качестве социального животного. Из этого тезиса мы можем выкристаллизовать как минимум две пресуппозиции. Согласно первой, человек остаётся животным даже в контексте философской рефлексии. Вторая, в свою очередь, говорит об общественной природе человека, в том числе с учётом его животной «натуры».

В дискурсе Аристотеля на поверхности различение тех, кто в государстве, то есть «сущест^в политических», от тех, кто «живёт вне государства». Отличие между ними, согласно античному мыслителю, укоренено в самой природе общественного как таковой. Без связи с обществом человек утрачивает саму человеческую природу; он либо обращается в животное, жаждущее войны, либо совершает прыжок «из» человека, становится «сверхчеловеком», устремившись к богам [1, с. 9]. Из этого посыла мы выводим установку на то, что человеческое «я» невозможно вне «я» общественного, «я», что фиксируется другим.

По Аристотелю, человек наделён так называемой большей общественной природой в сравнении с иными животными, что реализуют своё существование в группах. Одновременно стимулом и результатом подобной общественности выступает язык, что выражает эмоции и мысли своего носителя. Вместе с тем невербальная коммуникация находит своё выражение и в животном мире. Подобно людям, животные обмениваются сигналами. Как правило, эта передача носит прагматический характер: выражение состояния, передача информации, например, уведомление сородичей об опасности. Коммуникация животных — «плоская»; в сравнении с ней, общение людей как будто обретает «объёмы». Объёмность, в частности, выражается концептуальностью, что выходит за пределы прагматики. Концептуальность человеческого языка Аристотель иллюстрирует, например, через бинарную категориальную оппозицию справедливости и несправедливости. Язык был изобретён, чтобы упростить коммуникацию, одновременно с этим он наделил общение людей контекстами как дополнительными смыслами, из которых субъекту следует вытянуть так называемый «правильный». Ориентиром правильности для философа является государство. Аристотель поясняет, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьёй и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [1, с. 10]. Мы получаем

своеобразный конструкт, своего рода «матрёшку», что включает в себя отдельного индивида, семью, государство. Вместе с тем индивид получает возможность утвердить свою природу (человеческую) исключительно в рамках вышеназванного конструкта; за его пределами он выпадает в отличные человеческому состояния, животное или божественное. В сравнении с государством, по Аристотелю, человек всегда оказывается частью, причастность к целому для которой возможна только в государстве и с государством, то есть исключительно в совокупности, общении с другими людьми.

Аристотель прослеживает взаимодействие людей на примере государственного общения. В определённом, точнее, коммуникативном аспекте можно утверждать общение между животными, что зафиксировано выше. Непосредственно общение человека Аристотель фиксирует как «орудие», которым можно воспользоваться в нескольких направлениях; следование государственному праву как «мерилу справедливости» (что, скорее всего, связано с поведением человека, исходящего из соответствующего ему статуса) открывает в человеке «умственную и нравственную силу»; и, наоборот, движение вразрез с государственным правом (так называемое автономное поведение) лишает человека добродетели; общественную природу сменяют «дикость и нечестивость» [1, с. 10].

Проблема субъекта и интерсубъективности в философии, психологии и психиатрии

Краткий экскурс в политическое учение основателя школы перипатетов определяет социальную призму в вопросе об идентичности человека. Согласно этой призме, человек реализует именно человеческую природу в условиях интерсубъективности, то есть исключительно в условиях связей с другими, в том числе с людьми и институтами. Этимологически термин берёт начало от двух латинских корней, *inter* — *между* и *subject* — *субъект, человек, актор*. В философском дискурсе концептуальное авторство принадлежит Э. Гуссерлю. Феноменолог ставил проблему интерсубъективности в эпистемологическом контексте, в поисках процедур и методов объективного познания. Мир, по Э. Гуссерлю, разделяется на «мой исходно-первичный» и «определённо объективный», что, в свою очередь, включает самого размышляющего субъекта; на «я» и чужое, что состоит из объективной природы, других и самого «я» [2]. Это монадологический подход

в видении мира, сквозь оптику которого каждое «я» подобно монаде, что конституирует свой уникальный мир. И вместе с тем эти монады существуют не изолированно, но в связи друг с другом. Э. Гуссерль замечает конституирование так называемого «я-общности», что «включает меня самого как общность друг с другом и друг для друга существующих Я, в конечном итоге общность монад,.. притом такая общность, которая (в своей конституирующей общности (*vergemeinschaftet-konstituierende*) (интенциональности) конституирует один и тот же мир» [2, с. 138].

По той причине, что весь внешний мир есть совокупность монад, монада видит этот мир субъективно, в контексте своих рамок. Тем не менее Э. Гуссерль одновременно понимает мир как предустановленную гармонию свободных монад. То есть субъект постигает объективный мир в гармонии с тем, как этот мир постигают другие субъекты; изначально субъективные системы конституирования, по Э. Гуссерлю, друг другу соответствуют, друг с другом согласуются [2, с. 139]. В этом согласовании ключевую роль феноменолог отводит интерсубъективности как бесконечной открытости в сознании субъекта. Потому интерсубъективность можно интерпретировать как своеобразное «окно», что открывает «я» возможности увидеть и постигнуть объективный мир. В. И. Молчанов заключает, что интерсубъективность является для Э. Гуссерля источником объективного познания [3].

Идея так называемой интерсубъективности находит своих сторонников в среде современных психологов и в контексте исследований по социальной психологии. Среди прочего авторы поднимают вопрос об открытой субъективности. Вообще приставка «открытая» к феномену интерсубъективности выглядит обоснованной по смыслу, поскольку сам Э. Гуссерль вводит её в контексте размышлений об открытости сознания познающего субъекта. Вместе с тем акцентуация на открытости в дискурсе об интерсубъективности кажется излишней, если помнить об открытой природе самого феномена. Тем не менее, следуя за идеей D. Zahavi об открытой интерсубъективности, М. Bower конструируют феноменологическую базу для объяснения феномена открытой интерсубъективности в контексте возрастной психологии [4]. Он апеллирует к методологическим принципам генетической феноменологии и к теории примитивного аффекта Э. Гуссерля. Эти принципы американский философ использует в работе с данными из исследований по ког-

нитивному развитию и социальному познанию. На примере иллюстрации по развитию сознания младенцев, по М. Bower, сам опыт познания и понимания мира формируется интерперсональным, интерсубъективным путём.

Э. Гуссерль впервые публикует свои «Картезианские размышления» в 1931 г. В психологический дискурс тема интерсубъективности, в свою очередь, попадает только в 1970-е гг. «Пионером» тематики по праву считается С. Trevarthen, профессор из Эдинбурга, фокус исследовательского внимания которого остаётся на детской психологии, точнее, на вопросе о первых этапах социализации младенцев. По результатам своих наблюдений, С. Trevarthen разделяет интерсубъективность на первичную («primary») и вторичную («secondary intersubjectivity») [10]. Мир ребёнка в период первичной интерсубъективности (от рождения ориентировочно до 12 мес. жизни) замыкается на том, кто о нём заботится (как правило, матери); его взаимодействие с внешним миром невербально, базируется на тактильных ощущениях, запахах и вкусах. Вербальный этап реализуется во вторичной интерсубъективности, когда непосредственное взаимодействие ребёнка с внешним миром дополняется языком. Сегодня группа клинических психологов из Соединённых Штатов развивают идеи С. Trevarthen, задаваясь вопросом о происхождении слов [9]. Согласно их размышлениям, происхождение слов в детской психологии связано исключительно со вторичной интерсубъективностью, в то время как потенциал первичной интерсубъективности игнорируется. В свою очередь, именно в первичном контакте человека с внешним миром через того, кто осуществляет непосредственную заботу о нём, по мнению американских психологов, формируется способность человека к говорению, тем самым, реализуется уникальная человеческая природа. С этими размышлениями согласуется гипотеза известного американского антрополога, приматолога S. B. Hrdy, согласно которой эволюция интерсубъективности идёт в параллели с эволюцией живых видов, т. н. все родители (*all parents*), матери и другие, в ситуации формирования взаимного понимания с ребёнком становятся материалом для отслеживания становления интерсубъективности [6].

Группа психиатров из Франции продолжает тему интерсубъективности в контексте детского развития [7]. Фокус внимания исследователей сосредоточен на насилии. Согласно идеям Р. Mazet

и коллег, младенец находится в состоянии психологического насилия даже в тех ситуациях, когда прямое насилие к нему не применяется. Наиболее распространённый случай — послеродовая депрессия, что может развиваться у матери. В осмыслении клинических ситуаций авторы исследования приходят к выводу, что микроразрывы во взаимоотношениях ребёнка с тем, кто о нём заботится, влекут за собой отрицание интерсубъективности; это, в свою очередь, порождает отрицание субъективности ребёнка, что иллюстрирует принцип психологического насилия.

D. H. Stern продолжает серию размышлений в русле психологической и психоаналитической интерпретации интерсубъективности. Базируясь на данных, полученных из серии исследований в Centre d'Etude de la Famille (Брюссель), он приходит к выводу о неврологических основах интерсубъективности [8]. Американский психоаналитик также заключает, что интерсубъективность развивается в сознании ребёнка как защитный механизм, в параллели с привязанностью. Привязанность, по D. H. Stern, регулирует страх и любопытство; интерсубъективность — близость и чувство принадлежности к группе. Оба этих механизма имеют социальную природу и «необходимы для выживания человека» [8, с. 217].

Заключение

Философы из Бразилии N. E. Coelho Jr. и L. C. Figueiredo предлагают своеобразную панораму по проблематике интерсубъективности, сконструированную из отсылок к философам, психологам и психоаналитикам. В своей панораме они выделяют четыре матрицы по теоретическому осмыслению интерсубъективности: «(1) транссубъективная интерсубъективность (Шелер, Хайдеггер, Мерло-Понти); (2) травматическая интерсубъективность (Левинас); (3) межличностная интерсубъективность (Мид); и (4) интрапсихическая интерсубъективность (Фрейд, Кляйн, Фэйрберн, Винникотт)» [5]. Интерсубъективность в рамках данного теоретического анализа указывает на то, что феномен субъективности не вполне корректно интерпретировать как чистый опыт человека; конструирование и развитие субъективности случается, когда в чистый опыт восприятия человеком мира вторгается инаковость, некий другой.

Таким образом, интерсубъективность есть способ выстраивания субъектом понимающей картины мира с помощью «другого». «Другой» в этом контексте является одним из ключевых элементов построения понимания, что порождает знание субъекта о мире и формирует адекватные формы поведения в нём.

Список источников

1. Аристотель. Политика. М.: Азбука, 2021. 352 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
3. Молчанов В. И. Предпосылки «эпохе» и нейтрализация опыта: термины и проблемы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 146–157. DOI 10.21146/0042-8744-2022-2-146-157.
4. Bower M. Developing open intersubjectivity: On the interpersonal shaping of experience // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2015. № 14 (3). P. 455–474. DOI 10.1007/s11097-014-9346-2.
5. Coelho Jr. N. E., Figueiredo L. C. Patterns of intersubjectivity in the constitution of subjectivity: Dimensions of otherness // Culture and Psychology. 2003. № 9(3). P. 193–208. DOI 10.1177/1354067X030093002.
6. Hrdy S. B. Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press., 2009.
7. Mazet P., Rabain D., Downing G., Wendland J. Intersubjectivity denial in early interactions as paradigm of psychological violence [Le déni de l'intersubjectivité dans les interactions précoces comme paradigme de la violence psychologique] // Neuropsychiatrie De l'Enfance Et De l'Adolescence. 2002. № 50 (6–7). P. 424–428. DOI 10.1016/S0222-9617(02)00149-6.
8. Stern D. H. The wish for intersubjectivity: How? why? [Le désir d'intersubjectivité. Pourquoi? Comment?] // Psychotherapies. 2005. № 25 (4). P. 215–222. DOI 10.3917/psys.054.0215.
9. Terrace H. S., Bigelow A. E., Beebe B. Intersubjectivity and the emergence of words // Frontiers in Psychology. 2022. № 13. DOI 10.3389/fpsyg.2022.693139.
10. Trevarthen C. The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and cooperative understanding in infants // The Social Foundations of Language and Thought: Essays in Honor of Jerome S. Bruner. ed. D. R. Olson (New York: W. W. Norton). 1980. P. 316–342.

References

1. Aristotle. *Politika* [Politics]. Moscow, Azbuka; 2021. 352 p. (In Russ.).
2. Husserl E. *Kartezianskie meditacii* [Cartesian Meditations]. Moscow, Akademicheskij Proekt; 2010. 229 p. (In Russ.).
3. Molchanov VI. Predposylki «epohe» i nejtralizaciya opyta: terminy i problemy. *Voprosy filosofii*. 2022;(2):146-157. DOI 10.21146/0042-8744-2022-2-146-157. (In Russ.).
4. Bower M. Developing open intersubjectivity: On the interpersonal shaping of experience. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2015;(14):455-474. DOI 10.1007/s11097-014-9346-2.
5. Coelho JrNE, Figueiredo LC. Patterns of intersubjectivity in the constitution of subjectivity: Dimensions of otherness. *Culture and Psychology*. 2003;(9):193-208. DOI 10.1177/1354067X030093002
6. Hrdy SB. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press., 2009.
7. Mazet P, Rabain D, Downing G, Wendland J. Intersubjectivity denial in early interactions as paradigm of psychological violence [Le déni de l'intersubjectivité dans les interactions précoces comme paradigme de la violence psychologique]. *Neuropsychiatrie De l'Enfance Et De l'Adolescence*. 2002;(50):424-428. DOI 10.1016/S0222-9617(02)00149-6.
8. Stern DH. The wish for intersubjectivity: How? why? [Le désir d'intersubjectivité. Pourquoi? Comment?]. *Psychotherapies*. 2005;(25):215-222. DOI 10.3917/psys.054.0215.
9. Terrace HS, Bigelow AE, Beebe B. Intersubjectivity and the emergence of words. *Frontiers in Psychology*. 2022;(13). DOI 10.3389/fpsyg.2022.693139.
10. Trevarthen C. "The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and cooperative understanding in infants," in *The Social Foundations of Language and Thought: Essays in Honor of Jerome S. Bruner*. ed. D. R. Olson (New York: W. W. Norton). 1980. Pp. 316—342.

Сведения об авторе

Р. В. Пеннер — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии.

Information about the authors

R. V. Penner — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 28.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 28.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.